

ЕКАТЕРИНА ИЛЬИНСКАЯ

ИСТОРИИ
ЦВЕТОЧНОЙ
УЛИЦЫ

Екатерина Ильинская
Истории Цветочной улицы

«Автор»

2023

Ильинская Е.

Истории Цветочной улицы / Е. Ильинская — «Автор», 2023

На Цветочной улице спокойно. Хотя насколько может быть спокойно на по-настоящему живой улице? И если ведьма способна сама разобраться с нахальным лесорубом, то судьбу магической академии Цветочная уже не пустит на самотек. Или вот таинственный мужчина совсем не выходит из дома. Надо улице разузнать, кто он такой, и показать себя во всей красе. Опять же внезапная помолвка видного аристократа... Любовь это или приворот? Надо помочь людям разобраться, а то вдруг сами не справятся! А если исчезнет в домах счастье — улица тоже погрузится в тоску. И только констеблю, ведьме и лорду есть до этого дело! А кроме этого, на Цветочной все спокойно!

© Ильинская Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Ведьма	6
Дело о заснувшей кошке	11
Баклан	15
Тьма	17
Городской сумасшедший	19
Наследство сэра Ферлиса	21
Крадник	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Ильинская

Истории Цветочной улицы

Все описанные в этой книге истории произошли в одном маленьком провинциальном городке на Цветочной улице. Улица эта, как всем известно, начинается на холмах в самом богатом районе города, растекается рыночными площадями, ныряет в ремесленные кварталы и чинно выходит на берег реки, где изрядно плутает среди рыбацких хибар. Затем, уже совсем не такая нарядно-мощёная, как в начале, задорно перепрыгивает реку в самой её узкой части по горбатуму мосту, петляет по бедному району и, наконец, теряется где-то между дальним полем и лесом, вливаясь в густую сеть тропинок.

Цветочная так длинна, что можно с уверенностью сказать: четверть жителей всего города проживает именно на ней. И эта разнородность её населения не даёт завязаться многим дружеским и добрососедским связям, столь характерным для других улиц города, где все без преувеличения знают друг друга в лицо и общаются с той долей любезности, которая присуща хорошо воспитанным людям.

И как бы ни был интересен этот феномен, но всё же отвлечёмся от него, чтобы услышать истории, которые долго будоражили умы людей, и могли окончиться совсем не так счастливо, как случилось в итоге.

Ведьма

Сложно сказать, в какой момент Цветочная впервые осознала себя саму. Она, конечно, помнила, как строили дома и мостили утоптаный грунт, но вот сознание и возможность действовать пришли к ней гораздо позже. В ходе изучения людей, наполнения разными эмоциями, понимания кратковременности их жизни. С каждым событием, что привлекало внимание улицы, она понемногу обретала себя. И, возможно, первым толчком к этому стал случай с ведьмой.

Помимо простых горожан, лишенных магии, на Цветочной селились и существа, наделенные ей: ведьмы, колдуны, стихийники и представители волшебных народов. Улица никогда не вмешивалась в их дела, но любила наблюдать. Вот и на эту историю смотрела она со стороны, лишь чуть беспокоясь о том, чтобы всё закончилось благополучно.

***

Дафна возненавидела его в тот самый миг, когда увидела. Возненавидела в нём всё: смоляные волосы, широкую спину, сильные руки. Особенно сильные руки, что так легко управлялись с тяжёлым топором, словно тот совсем ничего не весил.

Топор взмывал вверх и с глухим звуком погружался в древесину. Замирал на секунду, но, ведомый стальной волей лесоруба, снова отправлялся ввысь. И снова наносил удар. Ещё и ещё. Звуки разносились по лесу и болью отзывались в хрупком девичьем теле, словно это её, а не берёзу, сейчас рубили на части. Боль шипами прорастала в сердце, сковывала движения, затмевала разум. И лишь значительным усилием Дафне удалось избавиться от наваждения и броситься на защиту дерева.

– Стой! Её нельзя рубить! – тонкие пальцы сомкнулись на ручке топора в тщетной попытке остановить расправу. Взмах лишь немного замедлился, а девушка взлетела вверх – покорная чужой силе, отчаянно цепляясь за гладкое топориче.

– Прошу прощения, мадемуазель, не стоит так делать. Вы могли пораниться, – дровосек опустил оружие убийства, и Дафна вновь обрела почву под ногами. – Нельзя лезть под топор, – он с любопытством разглядывал девушку голубыми глазами. «Как летнее небо в полдень», – мелькнула у неё случайная мысль, но тут же была отброшена прочь.

– Здесь нельзя рубить деревья!

– Но у меня есть разрешение. Вот, посмотрите, – из кармана широких брюк появилась бумага на вырубку леса. На первый взгляд с ней был полный порядок, но Дафна всё равно не верила.

– Я месяц назад обговаривала, какие участки леса и какие деревья могут пойти на сруб, и этой березы совершенно точно не было в их числе! – гнев клокотал внутри, но так и не находил выхода. Работники канцелярии остались далеко, а лесоруб не был, в общем-то, виноват в возникшей путанице.

– А теперь есть. Так что, будьте любезны, отдайте мне бумагу, и я вернусь к работе, – и большая мужская рука накрыла маленькую девичью ладошку.

На мгновение мир замер. Два сердца споткнулись о невесть откуда взявшуюся преграду и застучали в ускоренном темпе. Неведомые ощущения затопили двоих, соединив их судьбы и открыв дорогу чувствам. К сожалению, совершенно разным.

– Да чтоб у тебя в руках всё ломалось, пока железный мяч не зацветет! – проклятие само сорвалось с губ и, направляемое силой праведного гнева, осело на мозолистые мужские ладони. – А с этой бумажонкой я сама разберусь! – Дафна стремительно развернулась, лишь волосы языками пламени мелькнули перед лицом оторопевшего дровосека. Ещё секунда, и она скрылась в лесу. Исчезла, как исчезает пугливый утренний сон от первого петушиного крика.

***

Элвин полюбил её в тот самый момент, когда увидел. Или чуть позже. Трудно сказать наверняка, учитывая обстоятельства встречи. Ведь не каждый день на тебя набрасываются девушки.

Полюбил в ней всё: тёмно-рыжие пряди, зелёные глаза, стройный стан и неукротимую ярость. Особенно неукротимую ярость – словно незнакомка совершенно ничего не боялась. Слепительной молнией промелькнула их встреча, оставив после себя только грохот сердца, гром воспоминаний и обломки топора – он почему-то приказал долго жить.

***

Ведьму на Цветочной улице знали давно, года три – не меньше. Жила она в маленьком домике на границе леса и поля, в том месте, где Цветочная, совсем уже не похожая на широкую городскую улицу, тропинкой уходила в березняк. Узкой ли, широкой ли становилась улица в той своей части, или же исчезала совсем, но в ратуше адрес ведьмино домика записали как Цветочная, 113-ф, и это делало его ещё одной местной достопримечательностью наряду с заснувшей кошкой и металлическим мячом.

Кто создал этот мяч и зачем, доподлинно неизвестно, но был он неотъемлемой частью бедного района города. В выемке на огромном камне, выкорчевать который не было совершенно никакой возможности, гордо возлежал большой мяч из металла. В ратуше шутили, что местный необразованный люд услышал легенду о короле Артуре и мече в камне, всё перепутал, переиначил и создал этот шедевр – гимн безграмотности и безвкусию. Так это или нет, никто не знал, да и не интересовался, но бедняки немного гордились памятником... и собственной ведьмой, хотя и опасались такого соседства.

Дафна решительно шла по улице. Встречные сторонились её, и даже сильные мужчины не рисковали попадаться ей на пути. Было что-то во взгляде, в напряженной линии губ и бровей, говорящее об опасности приближения.

– Опять в ратушу пошла, – прошептала Тереза и, бросив на Марику многозначительный взгляд, напомнила известную всей улице истину: – Так злобой и пышет, каждый раз как туда ходит.

И девушки продолжили снимать бельё с верёвки. Некрашенные, изрядно застиранные полотна ткани были, тем не менее, отменно чистыми.

– А уж как возвращается, так хоть всей улицей в овраге хоронись, – Марика кивнула, и её светлые кудряшки запрыгали в такт. – А я хотела у неё сегодня настойку для волос забрать. Да придется повременить, а то как бы метлой не получить вместо настойки, – девушки захихикали, вспоминая разные случаи, когда люди попадали ведьме под горячую руку, – благо с ними самими никогда подобного не случалось.

Дафна быстро миновала окраины. Злость в душе нарастала, бурлила и поднималась волнами, стоило вспомнить срубленные деревья. Чувствуя это, с дороги ведьмы разбегались все встречные: люди, кошки, бродячие псы. Рыбы начали сильнее биться в садках, когда она проходила берегом реки, некоторым даже удалось выскочить.

Тем неожиданней было для Дафны оказаться в толчее – торговая площадь клокотала народом. Там и тут в этом котле вскипали страсти, поднимались и взрывались пузыри со смехом или криками.

– Да чтоб тебе всё время не везло, пока сам к констеблю каяться не придёшь! – карманник отшатнулся и быстро исчез в толпе, но проклятие уже намертво приклеилось и, судя по грохоту и ругани, начало действовать.

– Да чтоб тебя бородавками обкидало, пока не женишься по любви! – девушка не видела, кто ущипнул её, но это было и не обязательно, главное знать, за что проклинаешь.

В нос ударила вонь, а в поле зрения замаячила голова якобы свежей рыбы, которую навязчиво предлагала купить дородная торговка.

– Да чтоб тебя этот запах преследовал, пока не перестанешь обманывать покупателей! – торговка выронила рыбу, и та, теряя чешую и оставляя липкие пятна, съехала по платью Дафны, поставив крест на её попытках сохранить самообладание. Люди вокруг захохотали. – Да чтоб вам всем икалось! У этих камней разума и то больше! – Она топнула ногой, и спущенная с поводка сила стремительно заполнила площадь, растеклась по улице, легла на людей и впиталась в камни.

Толпа в страхе раздалась в стороны, и ведьма уверенно пошла дальше, благо улица там была достаточно пуста.

Ратушная площадь радовала гораздо меньшим количеством людей. Несколько парочек, одетых в светлое по случаю жары, прогуливалось у фонтана. Лоточник лениво отгонял мух от карамелек на палочках и засахаренных орешков. Даже докучливые мальчишки-газетчики попрятались от солнца или попросту сбежали на речку.

Всё вокруг дышало миром и покоем, и Дафна чувствовала себя вороной на цветочной полянке. Или разрушающим пожаром. Тёмное платье, обычное для леса или бедной окраины, тут казалось совершенно неуместным. К тому же стараниями торговки оно стало ещё и грязным. И с душиком.

Предчувствия просто-таки кричали, что идти в ратушу сегодня не стоит. Но с каким-то яростным отчаянием она продолжала двигаться вперёд и подметать городскую брусчатку подолом несчастного платья.

***

Предчувствия оправдались не то чтобы полностью, а троекратно. Настолько провальных бесед у Дафны не было даже при получении патента на ведьмовство, а тогда всё сложилось очень плохо. На языке крутилось слово «фиаско». И сейчас, у себя в лесном домике, она не могла найти объяснений столь бурной своей реакции – кроме как попенять на плохой день. Или обвинить во всём лесоруба и то сильное непривычное чувство, что вызвала эта встреча...

– Да что со мной такое? Я никого не проклинала уже лет пять, а тут как будто на ухо кто-то наговаривал, – ведьма села на скрипучую ступеньку крыльца и погладила полосатого кота. – И боюсь, главный лесничий никогда не забудет мне этих чирьев. А мы ведь почти нашли с ним общий язык в прошлом месяце.

Усталость и переживания дня давали о себе знать: голова болела, руки и спина ныли, а сожаления о содеянном грызли изнутри. К тому же этот день, без сомнения, один из худших в её жизни, ещё не закончился. Пятая часть (никак не меньше) горожан ходила проклятыми, так что в скором времени стоило ожидать появления толпы недовольных. Хорошо, если без оружия. И для их успокоения нужно было много воды.

Вздыхнув, Дафна встала, взяла ведро и отправилась на речку. Предстояло наполнить большую бочку.

Журчание ручья, впадающего в реку, успокаивало мысли. Хотелось лечь на траву и ощутить ту необъяснимую и всеохватывающую общность природы и человека. Погрузиться в неё, смыть чувство одиночества и страха... Но ведьма лишь вздохнула, набрала воды и повернулась в сторону дома. За кустами, подступавшими вплотную к тропинке, послышался треск и быстро стих. Дафна взглянула туда и остановилась: на земле между берёзами что-то белело. «И кто додумался бросить тряпку на муравейник! Изверги!» – мысль эта и весьма болезненные ожоги от кислоты, пропитавшей ветошь, всколыхнули успокоившееся было раздражение и придали сил. Отбросив тряпку подальше от лесных обитателей, Дафна схватила ведро и решительно зашагала к дому, так и не заметив стороннего наблюдателя. Работы ещё было невпроворот.

***

Элвин долго смотрел вслед девушке, обещая себе, что расцелует каждый её пальчик, как только разберётся с проклятием. И убедит Дафну в своем праве целовать её в любое время.

Укрытие за деревом было не слишком надёжным, и он покинул его, как только убедился в отсутствии людей.

Тряпка, пропитанная муравьиной кислотой, валялась под кустом, и дровосек аккуратно сложил её в кадушку к другим таким же. Руки чуть пощипывало, и он представил, каково сейчас Дафне с её тонкой и нежной кожей. Наверняка всё ужасно болит и чешется. И зачем девушка полезла в муравейник стаскивать тряпку? Ничего бы не случилось, лежи ветошь там немного.

Пообещав себе ещё раз, что впредь подобного не допустит, Элвин отправился к большому камню.

***

– Вы посмотрите, стоит как ни в чём не бывало, в глаза ей плюнуть, бесстыжей! – разорвалась воняющая несвежей рыбой торговка.

– Пра-ик-льно! На, ик, кол, ик, её! – размахивал вилами здоровенный мужик.

– Ик! Ик! Ик! – дружно поддержал его нестройный хор голосов.

Пришло гораздо меньше икающих, чем ожидала Дафна. Видимо, жара располагала к купанию и умыванию проточной водой, а это лучше прочего снимает все сглазы и проклятия ненаправленного действия. Воду она подготовила, а значит, скоро галдеть в лесу снова будут лишь сороки.

– Мадемуазель Дюпон, – вперёд вышел констебль. За его плечом виднелся прыщавый нос главного лесничего. И это было плохо. – С жалобами на вас обратилось более пятидесяти человек, – немолодой усатый служитель закона помахал пачкой листов. – Здесь указана сумма штрафа и компенсация пострадавшим. Так как официального источника дохода у вас нет, то конфискации и дальнейшей продаже подлежит дом и всё ваше имущество. Остаток денег после покрытия штрафа, компенсаций и издержек судебного производства, если таковой останется, будет возвращён вам, – зачитал констебль.

– Жечь ведьму! – прокричал мужичонка, весь покрытый мерзкими бородавками. Уж не его ли нашло проклятие на женитьбу по любви? Призыв тут же подхватило икающее воинство.

Дафна дрожала. Нет, она не думала сопротивляться правосудию. Себе дороже. А то, в самом деле, соберутся сжечь ведьму, как в Тёмные века. Но дом было жалко. И вещи тоже. И себя. За три года это место полюбилась ей. И лес, и поле, и даже сам город. Такой разный, но всегда уютный и дружелюбный. Всегда, но только не сегодня. Казалось, и к ней уже все привыкли здесь, но как же быстро забылись хорошие деяния, стоило лишь раз оступиться. «Всё из-за лесоруба!» – со злостью подумала Дафна, вытерла влажные ладони о юбку и направилась к представителю властей.

Толпа угрожающе качнулась навстречу и оцетинилась вилами, топорами, рогатинами и даже одним ржавым мечом.

– Помощь нужна? Дайте-ка это, подсоблю со смертоубийством, – из задних рядов послышался смутно знакомый голос, а за голосом треск, звон и сдавленные ругательства. Толпа раздалась в стороны, являя взорам лесоруба Элвина, путь которого усеивали обломки оружия и инструментов. – То, что нужно! – меч выхватили из рук оторопевшего наёмника. Железо крякнуло и развалилось на части. – И вот это тоже пригодится! – вряд ли кто-то знал, как пачка жалоб могла помочь со смертоубийством. Впрочем, от неё остались лишь обрывки, которые шевелил игривый ветерок.

«Чтоб у тебя в руках всё ломалось!» – вспомнила Дафна и неожиданно улыбнулась. А потом и захохотала. И всё смеялась и смеялась, не в силах остановиться. Вытирала слёзы сначала ладонями, а потом рыдала-смеялась в чьё-то плечо. Вцепилась в чужую рубашку как в последнюю надежду, хотя была совершенно уверена, что больше ей ничего не угрожает.

– Я бы обнял тебя, но боюсь сломать, – прошептал ей в макушку Элвин. – Но завтра ты уж никак не отвертишься!

Дафна лишь усмехнулась – это проклятие было так просто не снять.

***

– Итак, больше пострадавших от икоты нет. Претензий не имеют, – записывал констебль. Мужичок, вытирающий лицо после умывания, открыл было рот, но увидел протянутую руку Элвина и передумал высказываться. И руку, конечно, пожимать не стал. – Мадам Фостер, господину Ливзу, господину Роду и мистеру Валинуа разъяснены условия снятия проклятий. Претензий не имеют.

Дафна вытерла рукавом вспотевший лоб и пообещала себе больше никогда никого не проклинать. Лучше уж метлой огреть.

– Что ж, мадемуазель Дюпон, ущерб устрaнен, претензий ни у кого нет. Сумма штрафа указана в этом документе и подлежит уплате в казначейство не позднее понедельника следующей недели, – констебль протянул Дафне бумагу, кивнул на прощание и ушёл.

– А тебе «разъяснить» условия снятия проклятия? – девушка повернулась к Элвину. Смотреть на него было волнующе-приятно, и она никак не понимала, почему так злилась совсем недавно.

– А со мной надо сходить и полюбоваться достопримечательностями Цветочной улицы.

– Под луной? – подозрительно уточнила Дафна и получила в ответ недоумевающий взгляд. Вечер был в самом разгаре, и ждать до полуночи Элвин явно не планировал. – Ладно, идём.

И они отправились любоваться достопримечательностями. Точнее, тем, что осталось от металлического мяча. А не осталось от него ничего! На большом камне была разбита огромная клумба со множеством цветов. Яркие, летние, они словно росли прямо на камне, хотя, конечно, это было не так. Ветер разносил тонкий аромат, смешивал со свежестью реки и добавлял чирикание птиц. Вечернее солнце размывало границы предметов, и казалось, будто смотришь в окно, открытое в совсем иной, волшебный мир.

– А теперь гляди на ту маргаритку, – шепнул на ухо Элвин, – белую, которая сейчас зацветёт.

Но Дафна не успела. Пока искала среди разноцветья маленький цветок, он уже распустился, а где-то внутри словно лопнула струна – верный признак снятия проклятия.

– Но как? – только и смогла спросить девушка, прежде чем оказалась в крепких объятиях.

– Много муравьиной кислоты – и мяч превратился в пыль. Очень много кислоты, – Элвин выпустил Дафну из объятий и потёр ещё зудящие руки. – А уж посадить цветы – дело совсем простое.

– Та тряпка в лесу! – вспомнила Дафна. – Вот зачем она там лежала. Но как это вообще пришло тебе в голову?

– Бабка моя та ещё ведьма была. И позаковыристее условия ставила...

И Дафна снова рассмеялась. Солнце шло на закат, а дело, точно вам говорю, к свадьбе. Ведь кто полюбил ведьму, тот никогда уже её не отпустит. Да и ведьмы не привыкли упускать своё.

Дело о заснувшей кошке

Если говорить о сердце Цветочной, то можно смело утверждать, что все самые добрые и светлые её чувства нашли воплощение в статуэтке, разместившейся на одном совсем небольшом уступе в торговой стороне. Но много ли места нужно для доброты, любви и искреннего интереса? Не больше песчинки, но не меньше целого города. И вот однажды ещё только нарождающееся сердце улицы пропало.

***

Кошка заснула давно. По правде сказать, она никогда и не просыпалась. Лет восемь назад её установил на выступе соседнего дома булочник Шульц, там она и осталась. Слишком большая и тяжёлая для домашней статуэтки, слишком маленькая и низкая для садовой скульптуры. Чёрная металлическая кошка так и спала на своём уступе, поливаемая дождями, согреваемая солнцем, полируемая сильными руками Шульца и ладошками местной ребятни. На счастье, конечно. Ведь любая кошка приносит удачу и счастье, если её гладить с достаточным почтением.

Так и спала кошка на Цветочной много лет, пока однажды не пропала. Вчера лежала себе, в ус не дула, а сегодня исчезла, да так, словно бы её и не было никогда.

– Мистер Бэрнс, а вы слышали, что вчера в верхнем городе открылась новая выставка? – через отворённую дверь вопрошала цветочница Марта владельца мясной лавки. Нагретое солнцем крыльцо магазинчика было отличным местом для продажи цветов, а присутствие рядом приятного холостого мужчины только прибавляло привлекательности работе. Поэтому девушка появлялась тут каждый день, вязала букеты, гладила на счастье кошку и развлекалась беседами. – Говорят, что очень талантливый мастер. Шарль Готье. И картины пишет, и скульптуры делает, и даже гравюры. А мне Мериэтт отдала два билета, её сестра с мужем не смогут пойти. Их дети заболели да как-то совсем слегли, бедные крошки. Родители так переживают, что не могут даже и думать о светских увеселениях...

Марта про себя подумала, что надо поставить свечку в храме за здоровье детей, ведь она была очень набожной и посещала храм на Торговой площади каждое воскресенье, а иногда и чаще.

– Так вот мне и пришло в голову, а не сходить ли нам с вами вместе? Вы свободны через неделю во вторник? – предложение казалось очень смелым, и яркий румянец окрасил девичьи щеки. Марта даже затаила дыхание, ожидая ответа. Но долго мучиться ей не пришлось. Ответ дали быстро, и именно тот, которого она так ждала – ведь воспитанный мужчина не оставит девушку в затруднительном положении ни одной лишней секунды.

Марта радостно выдохнула и посмотрела на памятник. Каждый день на прошлой неделе цветочница просила удачи, но так и не решалась начать этот разговор. И вот, наконец, всё устроилось. Да ещё и самым замечательным образом. В общем, кошку стоило поблагодарить. Но статуи на месте не было. Взгляд скользил по серой каменной кладке, замечал все неровности стены, но совершенно не находил ни одной кошки. Ни спящей, ни бодрствующей.

– Батюшки святы! Кошка-то пропала! – Марта вскочила и бросилась к выступу. Взметнулись полы синей суконной юбки, задевая корзину тюльпанов и нарциссов. Нежные цветки рассыпались по мостовой, но так и не были замечены хозяйкой, пытавшейся на ощупь отыскать пропажу, словно та могла в одночасье уменьшиться до размера булавочной головки. – Мистер Бэрнс, мистер Шульц, госпожа Джойс! Нашу кошку украли!

Страшный тогда поднялся переполох. Что-то кричал булочник Шульц, расстроено всхлипывала Марта, собирал цветы и как-то пытался утешить её мясник Бэрнс, потрясённо охала галантерейщица Линда Джойс, шептались случайные прохожие да вились под ногами вездесущие мальчишки. Но никто так и не смог понять, куда же и когда пропала кошка.

***

– А потом он мне и отвечает, мол, я ваше заявление принять не могу, кошка как памятник за-ре-ги-стри-ро-ва-на не была, поэтому находится вне их ю-рис-дик-ци-и. А то, что я свою личную вещь на улице хранил, где её любой прохожий забрать мог, их не касается. Место личных вещей – дома под замком. Так и сказал вот. И заявление не принял, да, – мистер Шульц расстроено потер затылок и глянул на уступ. Сегодня его занимал маленький жираф – любимая игрушка Питера Джойса. Был жираф неказист, но хорошо узнаваем по ярко-голубым пуговичным глазам, пришитым заботливой Линдой взамен отвалившихся.

Игрушки менялись каждый день – все вдруг решили, что пустой уступ – к несчастью, – видимо, в противовес кошачьей привычке приносить удачу. Иначе как объяснить, что много десятилетий до кошкиного появления никто не замечал за маленьким участком стены никаких злополучных совпадений. Да, по правде, вообще никто не замечал этот уступ. Череда плюшевых, деревянных, тканевых и даже бумажных зверей, конечно, никак не могла заменить единственную ту самую кошку, но оставляла надежду, что отсутствие это временное и долгожданное возвращение случится уже совсем скоро.

– И что же теперь? – мистер Бэрнс протирал и без того чистое дверное стекло и не знал, как ещё можно поддержать соседа. – Прошло уже три дня, никто ничего не видел. Последним кошку гладил Том-плотник с Полевой, но было это днём, и до того, как Марта заметила пропажу, прошла половина дня и целая ночь...

То были все факты, что удалось установить Шульцу, Бэрнсу и Марте за три дня поисков. Да и узнали они это в первый же день, а дальше расследование завязло, словно тележное колесо на глинистой дороге после хорошего дождя.

– А откуда у вас эта статуэтка? – поинтересовалась Марта. Сегодня она продавала примулы и фиалки, чей цвет дивно подчеркивал глубину её глаз и белизну кожи. Именно поэтому одну из них она приколотла к корсажу платья, ведь ни одна девушка не забудет о своей внешности, даже в более драматических обстоятельствах. А уж если рядом находится волнующий её сердце мужчина, то у обстоятельств и вовсе нет никаких шансов.

– Мне подарил её один друг. Там, в Рдянках, мы жили в соседних домах, – Шульц махнул рукой куда-то на юг, не особенно задумываясь, что родной город совершенно в другой стороне. Впрочем, слушателей это не смутило: они вряд ли в достаточной степени радели за географическую точность, да и не был сей факт в действительности столь уж важным. – Он вечно что-то мастерил у себя дома. Хотел стать гончаром, да как-то не вышло – больше горшков перебил, чем сделал. Тогда он решил из металла посуду отливать – мол, она ж не бьётся. Да кто ж её покупать-то будет? Только богатеям по карману, а в Рдянках таких сроду не водилось. Хотяковка у него была тонкая, и узоры красивые, просто загляденье. Да вы и сами видите: кошка-то как живая, – Шульц снова махнул рукой, в этот раз в сторону уступа. Собеседники посмотрели на стену, но увидели только неказистого жирафа, взирающего на них бесстрастно-голубыми глазами. Сходство с настоящим жирафом было очень условным. Даже самое богатое воображение не смогло бы признать его правдоподобной копией. – В общем, Шарль пыкался-мыкался, да так и не пристроился. Я-то его всегда привечал, на обед приглашал или там на ужин. Хороший он парень, хоть и со странностями, но как начнёт говорить о всяких этих вещах, как их, искусстве, так глаза загораются. Но кому оно нужно, то искусство, когда дома есть нечего? В общем, жалко его, – Шульц замолчал, погрузившись в воспоминания. – Ездил я как-то в Рдянки по делам, и к нему заходил, да он там больше и не живёт. Переехал, стал быть. А куда – никто не знает. Я там адрес свой оставил, вдруг он да и заглянет в старый дом. А кошка у меня вот с тех пор. Подарок, стал быть.

Пекарь загрустил, могучие плечи его опустились, и сам он словно уменьшился. Солнце постепенно уходило за горизонт, поливая мостовую тёплыми золотыми лучами, гладило крыши

домов и блестело в оконных стеклах. Именно в такое время и в такую погоду кошка была особенно хороша, и это заставляло чувствовать потерю ещё острее.

Дело, пожалуй, могло так и остаться нераскрытым, если бы не чуткое девичье сердце, его волнения и надежды.

День свидания с мистером Бэрнсом стремительно приближался, и Марта не находила себе места. Успокоить её тревоги могла лишь кошка, но она никак не объявлялась и не давала о себе знать. Совершенно измученная волнениями, девушка решительно взяла инициативу в свои руки, надела самое нарядное платье, украсила капор голубыми ирисами и отправилась в ратушу.

– Мадемуазель, да поймите, в городе нет ни одного памятника кошкам! – дежурный констебль горячился, усы его угрожающе топорщились, а перо в руках укоризненно подрагивало. – Что за напасть с этой статуэткой! У одного пропала, у другого появилась! Поймите, у меня и так множество дел, чтобы заниматься ещё и этим!

Будь Марта чуть менее смелой или чуть менее сдержанной, то она бы, пожалуй, уже сбежала из душной каморки к простору Ратушной площади, сожалея обо всей этой затее. Но врождённая целеустремлённость и приобретённое с детства умение гасить горячие порывы, свойственные отцу и брату, помогли ей и сейчас. Она лишь смущённо опустила глаза, пересчитала царапины на ножках потёртого стола, и вновь устремила кроткий взор на усача.

– Ах, господин констебль, вы так стараетесь защитить нас! В самые тяжёлые времена эта мысль служит мне опорой, даёт надежду на счастье и спокойствие. Но поймите, кошка очень важна мне! Вы сказали, что кто-то ещё приходил по этому поводу. Возможно ли, что вы подскажете имена и адреса этих господ, чтобы я переговорила с ними лично и вас не беспокоила боле, – взгляд синих глаз умолял о снисхождении к столь незначительной просьбе, и констебль сдался на милость молодости и красоты.

– Ну, значит, приходил, та-а-ак... – кончик автоматического пера скользнул по списку обращений и остановился почти на самом краю листу, – некий мистер Натан Шульц, живущий на Цветочной, 84. А до него был, м-м-м, – констебль полистал книгу, отложил в сторону, развернул свиток, покачал головой и отправил его в стол. Выдвинул ещё один ящик и, наконец, извлёк украшенную вензелями визитку. – Мистер Готье, адрес на карточке.

Адрес показался Марте смутно знакомым, но не вспомнился тотчас же. Да и какая девушка будет хранить в своей памяти посторонние адреса, вместо того чтобы предаваться мечтам и строить планы? Поэтому она выкинула из головы всяческие подозрения и горячо поблагодарила за оказанную помощь. Под конец её пламенной речи даже такой серьёзный и занятой человек, как дежурный констебль, смущённо улыбался в усы и был очень доволен.

***

Возможно, за всем многословием этой истории ты, дорогой читатель, уже нашёл разгадку дела о заснувшей кошке. Если же нет, то погоди немного, совсем скоро покров тайны спадёт, и всякие сомнения развеются.

Сейчас же мы с тобой отправим цветочницу Марту и мясника Бэрнса на выставку и дождёмся их возвращения. Нет-нет, мы не последуем за ними, дабы не спугнуть укрепляющуюся взаимную склонность и зарождающуюся любовь. В деле столь деликатном посторонний взгляд часто бывает лишним. Скажу лишь, что на выставку Марта шла, всецело уверенная в счастливом исходе этой встречи.

***

– Как же я рад тебя видеть, Натан! Я обошёл всю Цветочную не один раз, всё искал тебя! Но она такая длинная, что под вечер, замёрзнув и проголодавшись, я совершенно отчаялся! – в доме булочника царил весёлое оживление. Ароматы свежего хлеба и сдобы, пропитавшие воздух пекарни, смешивались с запахами копчёностей, идущими от мистера Бэрнса, и цветочными нотами – неотъемлемыми спутниками Марты.

– Шарль! Не может быть! – Шульц всё жал и жал руку друга, не в силах поверить, что он нашёлся. Да ещё и не один, а с кошкой.

– Я сам не мог поверить, когда заметил на стене свою кошку! Решил, что ты преподнёс её городу в качестве памятника, и забрал на выставку. А в ратушу подал объяснительную, надеясь, что они найдут мецената. Тебя.

– Ах, как хорошо, что мы встретились, – продолжал твердить булочник.

– И стоит поблагодарить за это юную мадемуазель, – Марта смущённо отвела глаза, но увидела спящую на столе кошку и рассмеялась.

Вечер выдался очень тёплым как на погоду, так и на разговоры. Такие вечера сияют огнями радостных воспоминаний, бережно хранятся в памяти, как самые дорогие драгоценности, и служат лучшим утешением в жизненных невзгодах, если те всё же приключаются.

Вот так и закончилось дело о заснувшей кошке. Стоит добавить только, что Цветочная улица всё-таки официально обзавелась памятником, приносящим удачу, да ещё и новой счастливой семьей в лице Питера и Марты Бэрнс. Шарль Готье продолжил выставляться в известнейших музеях страны и был признан гением ещё при жизни, а булочник Шульц так и остался его верным другом даже спустя многие годы.

На этом историю можно считать полностью законченной, а если появятся какие-то вопросы, то фантазия и воображение помогут тебе, дорогой читатель, найти ответы и на них.

Баклан

Иногда улицы тоже мечтают. Была мечта и у Цветочной. Всеми своими домами, площадями, закоулками, каждым камнем брусчатки хотела она перенестись к морю: вдыхать горьковато-солёный воздух, гордо сбегать к большому порту и любоваться, как ветер наполняет паруса кораблей.

В дождливые дни, когда вода сплошным потоком текла вниз, срываясь в речку небольшими водопадами, Цветочная представляла, что это и есть море. Вот сейчас разойдутся тучи, выглянет солнце и впереди раскинется бескрайняя гладь. Солнечные блики закачаются на волнах, и раздастся крик чаек. В этом месте мечты обычно прерывались. Чаек улица не любила. Птицы были настырными, противными и вечно гадили на дома и мостовую.

Родной городок Цветочной не был портовым. Река Тирба впадала в море ниже по течению, но это совсем не мешало улице грезить про то самое море осенними мягкими сумерками. Иногда близость эта доставляла весьма существенные неудобства регулярными налетами галдящей птичьей братии. Так бы и жила Цветочная в нелюбви к пернатым, если бы не одно событие, о котором я сейчас вам и поведаю.

Однажды на улице появился Он. Большой, чёрный, с длинной гордой шеей, он отличался от чаек, как фрегат от рыбацких лодчонок. Широко расправив крылья, гость восседал на коньке крыши посудной лавки. И звали его Баклан.

Знакомство улицы и Баклана сложилось не сразу, но впоследствии приобрело должную прочность и основательность. Ту глубину, которая позволяет предугадывать поступки друг друга и словно невзначай оказывать наиболее приятные сердцу знаки внимания. Но всё это было после. А сейчас...

«Как бакланы едят крышу? И главное, зачем?» – думала улица, наблюдая, как птица роется в соломенной кровле. Вниз падали отдельные травинки, и ветерок – верный друг Цветочной – брезгливо смахивал их в сточную канаву.

Вообще ничего хорошего от птиц ждать не приходилось: орут, гадят, воруют еду. Один раз чайка схватила и куда-то унесла котёнка. Улица любила его той мимолетной любовью вечного существа к существам-однодневкам, как мы с вами можем любить красивый цветок, понимая скоротечность его существования в сравнении с нашей жизнью.

И сейчас улица ничего хорошего не ждала. Вот-вот залетит Баклан в лавку, перебьёт посуду, расклюет, раскидает мусор из сточной канавы, разорит цветники... Но время шло, а неприятности всё не происходили. Даже солома перестала сыпаться с крыши – зато появилось гнездо.

Цветочная не знала, почему Баклан поселился тут, а не с сородичами, но надеялась, что скоро природа возьмет своё и всё вернётся в привычное русло. Иногда она даже встряхивала дом, силясь уронить гнездо. От этого в лавке разбилась пара глиняных кружек.

Баклан остался. Утром улетал куда-то – наверное, к морю. Вечером возвращался и обязательно нёс в клюве цветок, ронял его где-то на подлёте и после садился на крышу облюбованного дома. Улица морщилась, брусчатка шла лёгкими волнами. Один камень даже выскокчил, обнажив земляной слой.

Положа руку на сердце, это было не самое плохое соседство. Селились на Цветочной и гораздо более неприятные личности, но невзлюбила она именно Баклана. И всё бы так шло и дальше, если бы один мрачный осенний день не направил события по иному пути.

С самого утра небо хмурилось. Баклан взмахнул крыльями и, как всегда, полетел к морю. Спешили по важным делам люди. Ветерок шепнул, что близится большая грозовая туча, а вскоре та и сама добралась до улицы. И начался дождь.

Струи воды скрыли город, стёрли его с небесной карты, перекрыли все доступы, унесли пыль и грязь. Улица любила дождь за чистоту и свежесть, что он оставлял после себя. За пустоту и безлюдность, возможность мечтать о море. Цветочная представляла бурные воды и ленивые волны, корабли и разноцветных рыб, на которых охотятся прибрежные птицы. И впервые не ощутила привычного раздражения. «Пусть живёт, – вдруг подумала улица. – И цветы мне нравятся. Зачем, интересно, он их носит?»

А дождь всё лил и лил. Близился вечер, и улица забеспокоилась: как же Баклан вернётся? Ведь птицы не летают в ненастье. «Так это же он мне их носил, – вдруг поняла улица. – Я же Цветочная. И цветы для меня».

Гроза с новой силой набросилась на город, и стократно выросла тревога. А вдруг с ним что-то случилось в пути? Вдруг передумал и навсегда остался в стае? Увидит ли она его ещё? Подарят ли хоть раз Цветочной улице цветок? Грохот дождя заглушал все звуки, и оставалось только ждать. Это был самый длинный день на памяти улицы.

Стемнело, и люди зажгли огни в домах. Свет окон, размытый пеленой бесконечного ливня, давал надежду, что Баклан найдёт дорогу. И эта надежда оправдалась.

На брусчатку вдруг шлёпнулось что-то скользкое и мокрое. Зелёно-белое. А на крышу посудной лавки приземлился Он. От радости Цветочная вздрогнула, встряхнулась, уронила плетень в соседнем дворе, вздрогнула снова, окрикнула ветер. И после уж они вдвоём устроили Баклану отличный навес над гнездом.

***

Наутро в ремесленной стороне обсуждали странный случай. Ведь, как ни крути, а появление части плетня на крыше дома – дело необычное. Да и стоял он там так, словно то была не воля слепой стихии, а замысел человека – защищал гнездо от ветра и ливней. Снимать навес с крыши не стали. Так он и стоит там теперь. Позже хозяин лавки добавил флюгер с летящей птицей и закрепил всё ещё раз. К его дому теперь нет-нет, да приходят посмотреть на гнездо, плетень и флюгер. Какая ни есть, а достопримечательность.

В фонтане на Ратушной площади поутру нашли кувшинку – цветок для этой местности редкий, но встречающийся. И снова списали всё на стихию – как мало фантазии у людей!

А через день всё позабылось – незначительные мелочи в потоке важных людских дел. Лишь ветер всё играл с флюгером, да вели молчаливую беседу Баклан и Цветочная улица – о море. Конечно, о море.

Тьма

Пропали два закоулка и одна площадь. И десяток домов в богатых кварталах – Цветочная больше не ощущала их там. Не было выставки с её широкими арками и оранжереей, зелёного особняка с увитой плетистыми розами решёткой. Не было городского парка с маленьким озером и лебедями. Много чего не было. И здания продолжали исчезать.

Люди вели себя как ни в чём не бывало: ходили в пустоту, возвращались, совершенно не беспокоясь. И это тревожило улицу. Однажды Цветочная увидела лорда Говера, спешащего в ратушу. Где он теперь жил? Его особняк с удивительным зимним садом исчез одним из первых.

Конечно, иногда дома на улице пропадали, но вместо них всегда возникали новые. Особенно часто такое происходило в ремесленных и бедных кварталах – и никогда у богачей. Но сейчас на месте пропавших зданий так ничего и не появилось.

Цветочная помнила, как была ещё совсем маленькой, короткой улицей – три дома на квартал. Помнила, как упиралась в здание общественных конюшен. Помнила, как их снесли, открывая дорогу вниз с холма. Помнила, как однажды прояснился её взгляд, как ощутила себя широкой, важной, наполненной домами, людьми и событиями, – в одночасье стала в десятки раз больше. Помнила, как испугалась, пыталась сжаться до прежнего размера, тряслась так, что камни мостовой выскакивали со своих мест. Но привыкла, сроднилась, освоилась.

Улица никогда не уменьшалась, только росла. Дальше и дальше. До реки, потом за реку. До самого леса и вглубь. Она так привыкла. И вот течение дней нарушилось исчезновением богатых кварталов! Цветочная волновалась, ждала, надеялась на лучшее. Думала, что вот уж новым утром точно обнаружит всё на своих местах, а пропажа окажется дурным сном или глупой шуткой.

Каждый вечер улица надеялась. Потухал свет в окнах, тишина опускалась на город – и Цветочная погружалась в дрему. А утром недосчитывалась ещё двух-трёх зданий.

Волнение, страх, тревога. Странная пульсация рождалась внутри, снова непреодолимое желание сжаться, защитить себя. Улица дрожала. Что делать? Как спастись? Цветочные горшки падали на мостовую, галдели в небесах стаи птиц, не рискуя приземляться, хватались друг за друга люди.

Ещё ночь – ещё потери. Здание городской больницы, пять мастерских и десяток жилых домов. И жижа, проступившая сквозь камни брусчатки верхнего города вязкими лужами, разлившаяся на немощёной части бедного района. Так плачут от страха улицы.

Потом исчезли все бедные кварталы. Цветочная бежала к реке, билась о невидимую преграду. Искала мост, которого больше не было. И плакала, плакала, плакала. Тряслась цветниками и клумбами, растрясла все кусты и деревья – и совсем уже не походила на прежнюю Цветочную. Короткая, жалкая, грязная, она пыталась хватать людей, дома, памятники. Хотела прятать их. Да как это сделаешь, если ты улица? Вокруг говорили что-то о землетрясении, ветхости, почвах. Спорили о причинах происходящего, но никто-никто не желал помочь самой улице.

Исчезли все здания в ремесленных кварталах. Остался лишь дом кожевенника. Он словно висел в пустоте, из которой выныривали беззаботные люди. Будто бы шли из пекарни или мастерской пошива одежды – они находились как раз в той стороне. Было жутко ощущать часть себя так далеко от оставшейся мостовой. Словно вырезали из груди сердце, а оно всё продолжало биться, когда хозяин уже мёртв. Потом исчезло и это здание.

Кто-то невидимый мучил улицу, отрезая по кусочку с разных сторон, тыкал в середину, оставляя всё больше ран. Пустоты чередовались с сохранившимися зданиями, мостовая потрескалась, и липкая жижа покрыла камни. И не осталось цветов. А исчезновения всё продолжались.

Беспомощная, растерзанная, она забилась в последний жилой дом, молясь, чтобы мучитель забыл о нём. Пропустил. Не нашёл. Три дня не спала с жильцами, освещёнными окнами отгоняла беду и страх. Надеялась. На третий день все уснули. Даже студент, сдавший последний экзамен, спокойно лёг спать или ушёл в пустоту праздновать конец учебного года. Слепыми тёмными окнами Цветочная смотрела туда, откуда веяло смертью.

А потом пришла тьма.

***

– А это что ещё такое? – в кромешной тьме небытия раздался голос. – Краска, что ли? – Цветочная ощутила мимолётное прикосновение, но оно быстро пропало.

– Господин Дипс, там кто-то все вывески на Цветочной краской закрасил, осталось «Веточная улица». Надо бы заменить, – констебль Гордон доложил о своём наблюдении начальству.

– Вы представляете, сколько там вывесок? – господин Дипс потёр лоб.

– Никак нет, сэр. Можем оставить Веточной, только в реестре поменяем название.

– С ума сошли! Это же все карты и учетные книги переписывать надо, всем географическим обществам изменения вносить! У нас в бюджете нет таких денег! Позови сюда секретаря, распоряжусь о новых адресных табличках.

Так Цветочной улице помогли вернуть себя.

Городской сумасшедший

Холодным зимним днём Герберт начал чувствовать себя улицей. Знал, как давит снег на крыши домов, как зудит мостовая под сотнями ног, как шатаются стены лачуги в бедном районе – словно гнилой зуб, что вот-вот выпадет.

Самого себя Герберт тоже ощущал. Как блоха в собачьем подшёрстке, он чуть щекотал и раздражал улицу, когда шаркал по деревянному полу. «Надо постелить ковёр», – подумал и снял тапки. Ноги в носках мёрзли, но это было лучше, чем ощущать зуд от себя самого. Легче всего оказалось просто сидеть на месте или лежать. От движения голова шла кругом – мнилось, что потолок прыгает и пол сотрясается, хотя, конечно, это было не так.

К вечеру давление новых ощущений стало невыносимым. Герберт оделся и вышел наружу. Тёплое пальто и шарф защищали от холода и ветра, свет фонарей разгонял темноту, а свежий воздух прояснял мысли.

Впереди возникла странная боль, и Герберт ускорил шаг. Между камней застряло колесо повозки, и кучер – крупный рыжий мужчина – с руганью пытался его достать. Тревожно переступала копытами лошадь, прыдала ушами в нетерпении, фыркала. Мягко падал снег, притупляя страдание повреждённой брусчатки.

– Пойдите! Осторожнее! Ей же больно! – закричал Герберт и бросился к колесу. Расшатанный камень выглядел плохо и очень саднил. Обод зажало в щели, словно клещами, но Герберт чувствовал, как надо потянуть, чтобы освободить.

– Да в порядке с ней всё, – озадаченно осмотрел лошадь кучер. Погладил по шее и достал из кармана сахарок.

– Готово! – Герберт освободил колесо из тисков мостовой и теперь гладил её руками. – Тише, тише, скоро пройдёт, – он почти касался губами каменной поверхности, дул и растирал, как ему самому в детстве делала мать.

– Что с вами? – растерянно пробормотал возница, качнулся было, чтобы поднять незваного помощника, но передумал. Вскочил на козлы, взмахнул поводьями и продолжил путь. – Сумасшедший какой-то.

Это было лишь первое из прозвищ, которые Герберт получил впоследствии. Забот у него с того дня существенно прибавилось.

– Скорбный умом!

– Безумец.

– Помешанный.

– Юродивый.

– Душевнобольной.

Герберт стучал в дома и просил положить в комнатах ковры. Счищал самые большие сугробы с крыш, подпирал шатающиеся заборы, красил дома, чинил протечки. И тысячу раз был проклят за свои дела.

С работы его уволили. В ратуше не терпели сотрудников с сомнительной репутацией. Да и думать о конторских книгах ему становилось с каждым днем всё сложнее – слишком много других занятий. В городе о нём шла дурная слава. Некоторые люди не стеснялись подходить и насмехаться, толкать в лужи, портить то, что он исправлял. Другие жалели его: угощали едой, давали одежду взамен износившейся.

Герберт полюбил тех, кто ступает тихо, стелет ковры, содержит дома и сады в заботе. Полюбил цветы и деревья, дождь и ветер, птиц, что рисовали картины в воздухе. Полюбил экипажи и лошадей: их ритмичный цокот звучал музыкой, а удары копыт были приятной разминкой. Коты мягкими лапами и дворники жёсткими метлами словно гладили улицу.

Герберт возненавидел скрипучие полы и ветхие стены, людей, сливающих помои на мостовую. Невзлюбил гудение и вибрацию труб на ветру и раскалённые на солнце крыши, тяжёлые двери, что царапали камень.

Он ломал фонари: вытаскивал с корнем, выкидывал болты, роняющие землю. Работал, работал, но не видел конца. Цветочная была слишком большой, чтобы его усилия были хоть сколько-нибудь заметными.

Приближались осенние ненастья, и Герберт трудился не покладая рук: подпираал заборы и изгороди, что могли не пережить удары стихии, чинил козырьки и навесы, закладывал окна подвалов, чтобы не залило, укрывал клумбы, заделывал трещины, возвращал на место выскочившие камни. Но после первого же дождя впал в отчаяние. «Всё зря! Не могу так больше! – всё болело: сломанное дерево рядом с лечебницей, промоины в земле в бедном районе, которые он вчера засыпал песком, рухнувший забор. Улица задыхалась от мусора в рыбацких кварталах, от обломков сараев и лодок, от грязи в сточных канавах. – Бесплезно! С этим пора покончить! Но как?»

***

Задуманное Герберт решил осуществить ночью. Он хорошо помнил, где уже повредил фонари, и где его не заметят. Руки дрожали, и краска несколько раз плеснула на мостовую, оставляя предательские следы.

Он начал с богатого района. Там было больше всего фонарей, пронзавших болтами тело улицы. Их всегда быстро чинили, доставляя Герберту особые муки. Но мазок – и табличка изменилась. Вот уже нет Цветочной в этом месте, а внутри чуть разжалась пружина. Второй дом, третий, четвёртый – он обошёл весь квартал и даже удивился, как быстро управился.

Этой ночью спалось очень спокойно. Улица волновалась, но Герберт лишь укрепился в своём решении. «Скоро всё закончится. Потерпи. Я избавлю нас от мучений и неудобств. Так будет лучше».

Днем он ходил по любимым местам. Гладил заснувшую кошку, поливал цветник в бедном районе, кормил голубей на Ратушной площади. Любовался улицей.

***

– Не бойся, не бойся. Уже совсем скоро, – вид Герберта совершенно переменялся: неаккуратная борода, рваная одежда со следами краски, грязные сапоги. Он брёл по щиколотку в липкой жиже, спотыкался о выемки, о выскочившие камни, перешагивал какие-то палки. Ведро с краской сильно раскачивалось. Казалось, содержимое вот-вот прольётся, но каким-то чудом удерживалось внутри.

Третью ночь он ходил к этому дому – последнему на улице. Сегодня всему придёт конец, Герберт чувствовал это. Знал. Свет в окнах был погашен, и больше не было препятствий.

– Я спасу нас. Сейчас, – кисточка коснулась адресной таблички. Капли краски стекли вниз, и сознание покинуло улицу и человека.

***

– Утренняя сводка! Покупайте «Вестник»! Городского сумасшедшего нашли мёртвым в сточной канаве! Власти согласовали ремонт Цветочной! Два медяка за все новости только у нас!

Наследство сэра Ферлиса

Любая улица знает, каждая дверь – это портал. Портал в чужую жизнь, судьбу, историю. Дверь может стать входом в бездну одиночества, печали и боли или же возможностью прикоснуться к любви, нежности и теплу. За каждым порогом обитают свои чувства, мысли, совершаются поступки ради высоких целей, проявляются и исчезают низменные порывы. Цветочная любила двери и истории. Любила людей, способных вдохновенно жить, меняться и менять всё вокруг.

За дверьми домов всегда водились тайны. Они пытались скрываться за тонкими загородками, но, нет-нет, да и просачивались на улицу через открытые окна, выбегали через пороги, перемахивали хлипкие плетни, так или иначе, оказывались снаружи. И можно без преувеличения сказать, что Цветочная знала все секреты своих жителей. Все, кроме одного.

В самом сердце ремесленного квартала, где улица плавно изгибалась, чтобы обойти храмовую общину, стоял старый дом. Двери этого дома не были заколочены и даже иногда открывались, чтобы посыльные могли оставить в прихожей еду или другие товары. Но ни разу улица не видела самого жильца. Поговаривали, там поселился старый алхимик или изобретатель, но так это или нет, никто на самом деле не знал.

Цветочная могла проследить историю дома на десятилетия назад и точно сказать, когда его покидал очередной обитатель, а когда заезжал новый. Но этого человека она почему-то пропустила. Просто одним зимним утром вдруг ощутила, что старый дом вновь ожил, встрепенулся, стряхнул пыль и согрелся живым теплом. Тот день дал дому хозяина и пробудил свойственное всем молодым улицам любопытство.

День шел за днём, неделя сменяла неделю, зима приходила за зимой, ведя отсчёт годам, а таинственный жилец так ни разу и не ступил на мостовую. Лишь изредка долетало из открытых окон шуршание механизмов да тиканье часов, ещё реже сдавленные ругательства и тихое бормотание.

Возможно, секрет этот так и остался бы неразгаданным до самой смерти загадочного обитателя, но жизнь и обстоятельства распорядились иначе. И тихим весенним утром, когда солнце пригревало уже почти по-летнему, но ветер заставлял прохожих кутаться в тёплые шарфы и надевать перчатки, дверь старого дома по адресу Цветочная 41/116 внезапно отворилась, явив всем заинтересованным зрителям ещё совсем не старого человека.

Таинственный незнакомец оказался крепким подтянутым мужчиной лет сорока. Коричневое пальто его было опрометчиво распахнуто, и стылый весенний ветерок уже начал инспекцию качества пошива костюма-тройки, длины шарфа и даже успел заметить цепочку от часов, спрятанных в кармане жилета. Мужчина вздрогнул и запахнулся плотнее.

Цветочная замерла, боясь, что таинственный жилец передумает, возмутится нахальным любопытством и весенним холодом – да и вернётся обратно, закрыв дверь в тайну. Но мужчина чуть постоял на крыльце, вздохнул и ступил на мостовую.

Всем известно, что первое впечатление – самое важное. И улица с трепетом поставила под подошву ботинка самый гладкий и ровный камень. Ощутила солидный вес, уверенную поступь и основательность. Одобрила звук набоек и постукивание трости. Отразила в окнах статную фигуру и счастливо выдохнула. Как и всякий внимательный наблюдатель, Цветочная могла угадать характер человека по тем мелочам, которыми часто пренебрегают, но которые рисуют портрет личности лучше иных поступков. Мужчина определённо ей понравился.

Улица почему-то была уверена, что он пойдет в верхний город. Что такому статному господину делать в рыбацкой стороне или нищих кварталах? Да и чем удивить его там? То ли дело праздничная разнородность ремесленной слободы, основательность торговых зданий, скверы и парки богатого района.

Дорога стелилась под ноги путнику, лужи, словно живые, расплзались по обочинам, а красота вокруг притягивала взор. Возможно, и с вами бывало такое: идёшь куда-то по делу и друг проникаешься городской мимолетной прелестью. Словно заворожённый, делаешь шаг за шагом и оказываешься где-то совсем не там, где планировал. Так действует уличная магия. Так она сработала и сейчас.

Цветочная сияла от счастья, лучилась гостеприимством и ликовала оконными бликами. Сама не своя под полуденным солнцем, опьянённая новым знакомством, трепещущая от странного наваждения, она вдруг ясно поняла, куда надо привести этого таинственного господина. И сразу его туда повела. А тот любовался красотами и шёл за солнечными зайчиками, совершенно потеряв голову от весеннего воздуха, блеска витрин и красот города.

В доме на углу с улицей Каменных Львов жила вдова Миранда Нэйтон. Молодая, но уставшая от длительного одиночества леди. Цветочная любила её тихую доброту, лёгкую поступь и ласковый голос. Любила её за предсказуемость и точность, знала заведённый распорядок, и каждый день провожала вдову на прогулку по самым красивым местам. Порядок был всегда один и тот же, ошибиться было невозможно: в полдень открывалась дверь дома, туфли с небольшим устойчивым каблуком ступали на брусчатку, и прогулка начиналась.

Так произошло и сегодня. Но замыслам улицы сбыться было не суждено, и это послужило причиной размолвки между ней и неизвестным господином, знакомство с которым казалось столь чудесным до этого момента.

Бом! Открылась дверь дома вдовы.

Бом! Новый знакомец вздрогнул и остановился. Уличная магия больше не действовала, и пришло осознание, что вышел он из дома по важным делам.

Бом! Вдова сделала привычный шаг.

Бом! Мужчина лихорадочно заозирался по сторонам.

Бом! Туфля соскользнула с последней ступеньки крыльца.

Бом! Взмахнув руками, вдова полетела вперёд.

Бом! Цветочная спутала камни брусчатки.

Бом! Мужчина сделал шаг и запнулся на ровном месте.

Бом! Двое сплелись в стремительном и неожиданном объятии.

Бом! Потрясённый взгляд карих глаз встретился с ошеломлённым взглядом голубых.

Бом! Мужчина отпрянул.

Бом! Завершили отсчёт ратушные часы.

– Где это я? Что, чёрт возьми, происходит! Я же опоздал! – мужчина топнул. Цветочная возмутилась, вдова испуганно присела на ступеньку. – Где Ратушная площадь? – мужчина требовательно посмотрел на женщину, нетерпеливо постукивая набалдашником трости по ладони.

– По этой улице два квартала и налево, – Миранда поднялась, отряхнула пальто и снова посмотрела на невежливого джентльмена. Точнее, на то место, где он только что стоял. Сам джентльмен совсем несолидно бежал по направлению к ратуше.

***

Сэр Монтгомери Ферлис был человеком основательным и очень ответственным. Настолько ответственным, что при всем нежелании и настойчивости в поисках причин для отказа не смог найти аргументов, чтобы не явиться в Ратушу по вызову стряпчего.

Время пути было рассчитано по карте, поправка на плохое знание местности была внесена, маршрут построен, документы собраны. Ровно в 11.05 мужчина распахнул дверь на улицу, поёжился на холодном ветру и уверенно свернул в сторону Ратушной площади. И пропал.

Взгляд его упал на выступ соседнего дома, украшенный живописным орнаментом, скользнул по рельефу кладки, взлетел к небу за линиями островерхой башенки, дальше,

дальше... Ноги словно сами понесли его за солнечными зайчиками, скачущими из окна в окно, из витрины в витрину. Да и весь мир превратился в один большой радужный блик, в сиянии которого нет-нет, да и мелькали прелестные клумбы с едва пробивающейся травой, кусты и деревья с только народившейся листвой, лужи, отражающие весеннее высокое небо, памятники, фонтанчики, стайки птиц, здания причудливой формы и свет, свет, свет. Мир закрутился в подобию карусели, блистая и маня бесконечной радостью, которую Монтгомери Ферлис не испытывал с самого детства. С ней было невозможно бороться, да он и не пытался.

Растерянный, восхищённый увиденным мужчина вдруг оказался на углу какой-то совершенно незнакомой улицы. Предчувствие обещало волшебную встречу, и он огляделся, пытаясь понять, что же это за место. И в этот момент раздался первый удар ратушных часов.

Бом! Он вспомнил про назначенную встречу!

Бом! Остановился, огляделся.

Бом! Паника накрыла с головой.

Бом! Карты в кармане не было.

Бом! И адресных табличек на домах тоже.

Бом! Да вот же одна.

Бом! Шаг.

Бом! Запнулся о камень.

Бом! Падение. Внезапное столкновение, тепло, удар сердца.

Бом! Взгляд глаз цвета весеннего неба.

Бом! Встреча!

Бом! Нужно бежать!

– Где Ратушная площадь? – Монтгомери едва мог устоять на месте. Его ждали! Он опаздывал! А куда идти, было совершенно неясно. Наконец, направление указали, и он бросился бегом, не поинтересовавшись состоянием дамы и не сказав слов прощания. Вокруг словно стучался воздух, и чувствовалось чьё-то недовольство, но думать об этом мужчине было некогда. Он безбожно опаздывал.

В ратуше всё прошло на удивление хорошо – хвала бюрократии и очередям. Кто бы мог подумать, что пунктуальный сэр Ферлис когда-нибудь будет за это благодарить. Вступление в права наследования было назначено на следующую неделю, что означало ещё одно посещение ратуши, а стало быть, выход из дома.

Сэр Ферлис не любил терять времени даром, но и пренебрегать обязанностями считал ниже своего достоинства. Закон вынуждал его явиться, значит, придется снова оторваться от чертежей.

Прошла ночь, за ней утро, но сосредоточиться на работе почему-то не получалось. То и дело мысли улетали к той беспечно-радостной прогулке, так не похожей на его размеренную, распланированную жизнь, и к собственному неподобающему поведению с дамой. Когда мысли вернулись к этому случаю третий раз за час, Монтгомери окончательно смирился с тем, что придется прервать работу раньше положенного. Прямо сейчас.

Ровно в 11.05 распахнулась дверь на улицу, мужчина поёжился на холодном ветру и уверенно ступил на мостовую. Новый лакированный ботинок встретился с лужей, ноги промокли, брючины окрасились в неблагородную коричневую крапинку. Скрипнув зубами, сэр Ферлис скрылся в недрах дома.

Ровно в 11.25 распахнулась дверь дома на улицу, мужчина поёжился на пронизывающем ледяном ветру, перешагнул лужу и направился в сторону Ратушной площади. На первом же перекрестке от случайного столкновения с бочкарем сломалась трость, и запачкалось пальто.

Ровно в 12.00 распахнулась дверь дома на улицу, мужчина в зимнем пальто перешагнул лужу и направился в сторону Ратушной площади. Перед вторым перекрестком порыв ветра сорвал с головы шляпу и швырнул её прямо под колеса экипажа.

Ровно 12.55 распахнулась дверь дома на улицу...

Ровно в 13.40 распахнулась дверь дома...

Ровно в 15.00 распахнулась...

В 16.14...

В 16.57...

В 17.43...

В 18.34...

В 19.12...

– Да что, чёрт возьми, происходит?! – сэр Ферлис негодовал. Очередная попытка дойти до угла Цветочной и улицы Каменных Львов потерпела крах, а подошвы ботинок ощутимо попахивали конским навозом, словно по волшебству оказавшимся под ногами.

Прошлая прогулка была чудесной, эта же превратилась в сущий кошмар. Мужчина увидел все самые грязные и дурнопахнущие закоулки (и вытер большую часть из них своей одеждой), пересчитал все неровности мостовой, узнал, где располагаются самые большие лужи, и дважды заблудился! Что вообще было невероятно, ведь он шёл точно по карте.

День клонился к закату, а настроение к отметке «Уныние». Впервые за многие годы Монтгомери не достиг поставленной цели. И в этот вечер компанию ему составляли невесёлые мысли и явное недовольство собой.

А за окнами старого дома в центре ремесленного квартала Цветочная улица медленно, но верно сдвигала самую большую лужу к порогу сэра Ферлиса.

Монтгомери Ферлис был человеком проникательным и склонным к размышлениям. Утром следующего дня, запасшись терпением, осторожностью, зонтом, двумя картами и сменной шляпой, он решительно подошел к входной двери и сверился с часами.

Ровно в 10.30 распахнулась дверь, мужчина с тревогой осмотрел огромную лужу от крыльца до противоположного дома, отпрянул, вздохнул и отступил.

Ровно в 10.40 распахнулась дверь, показалась первая доска, за ней вторая, третья. Через некоторое количество досок из двери появился сам сэр Ферлис и решительно принялся настилать над лужей мостки.

Лужа разливалась до первого перекрестка и даже за его пределы. Оценив перспективы и сверившись с картой, Монтгомери решительно свернул в Ткацкий переулок и направился к месту назначения в обход.

Вопреки дурным предчувствиям, путь до улицы Каменных Львов оказался спокойным и даже немного скучным. В 11.47 он стоял на нужном перекрестке в ожидании внезапно свалившейся ему в руки дамы. Ждала и Цветочная.

Бом! Пробили часы на ратуше.

Бом! Распахнулась дверь дома вдовы.

Бом! Миранда шагнула на мостовую.

Бом! Взгляды карих и голубых глаз встретились.

Бом! Пересёк невидимую черту между улицами сэра Ферлиса.

Бом! Обрадовалась Цветочная. Теперь мужчина снова был в её власти.

Бом! Один из камней брусчатки попал под колесо экипажа, изменив его траекторию.

Бом! Брызги с ног до головы окатили мужчину.

Бом! Бом! Бом! Бом! Длилась немая сцена.

– Ну, знаете ли! К вам очень сложно добраться, оставаясь в приличном виде! – в сердцах бросил сэр Ферлис и развернулся, чтобы уйти.

– Быть может, зайдёте на чай? Моя экономка очень искусна в деле выведения пятен, – Миранда старалась сдержаться, но смешинки то и дело сверкали в её весенних глазах. – Не хотите же вы, и правда, идти в таком виде?

В таком виде идти Монтгомери не хотел. Он почему-то совсем не хотел никуда идти. Разве что в этот дом с белой дверью и медной ручкой. Хотел расположиться в удобном кресле, выпить ароматного чая и принести, наконец, извинения. О том, что потом надо будет ухаживать, думать совсем не хотелось. И, с не свойственной ему беспечностью, сэр Ферлис шагнул вперёд, поклонился и представился.

Как прошёл визит сэра Монтгомери Ферлиса к Миранде Нейтон, Цветочная не знала, и автор считает себя не вправе нарушать домыслами сей благопристойный тет-а-тет, наполненный доброжелательностью, смехом и теплом. Важно отметить лишь то, что возвращался сэр Ферлис в чистой одежде и с не свойственной ему мечтательной улыбкой на лице. Он даже не заметил, что за весь путь ему не встретилось ни одного препятствия.

***

Работа между тем так и не ладилась: инструменты валялись из рук, а чертежи расплывались перед глазами, заслоняемые прелестным женским ликом. Лишь врождённое упорство позволяло ему не бросать дела.

Говоря правдиво, большую часть последовавших за судьбоносной встречей дней он проводил в обществе Миранды или за планированием будущей семейной жизни. Но одно обстоятельство вдруг поставило всё под угрозу.

– Нашелся другой наследник? Но как это возможно? У дяди не было иных родственников. Даже дальних. Следует разобраться!

Однако в Ратуше печальное известие подтвердилось.

– Сожалею. Сэр Арчибальд Коин предоставил все документы, и, имея в виду особенности завещания, а именно его отсутствие, вступает в права наследования как ближайший родственник покойного.

Сэр Ферлис плохо помнил, как вышел из ратуши, как оказался возле фонтана и как долго сидел, наблюдая за медлительными красными рыбами, размеренно шевелящими плавниками.

Нет, Монтгомери имел собственный приличный заработок, вполне достаточный для холостяцкой жизни. Но жизнь семейная требовала гораздо больших расходов и средств к их покрытию. И как человек педантичный и ответственный в делах финансовых, он был вынужден отказаться от ещё недавно столь достижимых целей.

В душе воцарился сумрак, а в сердце отчаяние и безнадежность. И как ни пыталась Цветочная отвлечь мужчину от грустных мыслей, играя солнечными бликами на поверхности воды, ничто не могло разогнать эти тучи и утишить тоску.

Сэр Ферлис начал своё расследование с просмотра старого материнского фотоальбома. Никакого Арчибальда там не было, никого с фамилией Коин тоже – подписи однозначно на это указывали. Это, однако, ничего не опровергало и не доказывало: возможно, другие родственники не попали на фотографии по тем же причинам, что и сам сэр Ферлис – мать много лет не поддерживала связь с семьёй.

– Нужна выписка из архива, – Монтгомери потянулся за пером и бумагой, чтобы по привычке решить вопрос, не выходя из дома, но вдруг понял, что хочет сходить сам: – Так быстрее будет узнать, – удивительно, ведь раньше ему было невыносимо терять время, которое можно посвятить работе, а сейчас было невыносимо работать.

Улица встретила его привычным шумом оживлённого места: гремели колесами экипажи, цокали копытами лошади, переговаривались лавочники и спешащие по своим делам люди. Сэр Ферлис влился в поток, направляющийся в сторону верхнего города, и задумался, отрешившись от происходящего и давая возможность сработать уличной магии. Шаг за шагом дорога ложилась под ноги, мысли крутились вокруг неожиданного родства, перескакивали к завтрашней встрече с Мирандой, затем снова возвращались к наследству. Вокруг всё так же шумело, стучало, иногда грохотало, изредка позвякивало. Слабо пахло речной тиной и рыбой. Рыбой?

Монтгомери резко остановился. Его окружали склады, совсем недалеко плескалась река. Это был не верхний город, а другое место.

Цветочная досадовала. До подозрительного типа, которого она обнаружила накануне, оставался всего один квартал, а сэр Ферлис не собирался двигаться дальше. Улица легко водила своими путями рассеянных людей, но людей сосредоточенных сбить с дороги было крайне сложно. Требовались особые меры. Нет-нет, ставить разум Монтгомери под угрозу она не собиралась, зато шадить «типа» причин не было. Приходилось надеяться, что всей оставшейся магии хватит на хорошее внушение.

***

Изучение карты заняло довольно много времени. Этот район города не мог похвастаться многочисленностью и читаемостью табличек, а люди – излишней любезностью. Удалось лишь определить, что это всё ещё Цветочная. Свернув карту, сэр Ферлис собирался уже возвращаться, когда заметил странного мужчину, идущего в его сторону. Мужчина имел весьма солидный вид и совсем несолидную походку. Шёл он, пошатываясь, иногда задевал плечом стены домов, иногда наступал в лужи, совершенно не обращая внимания на пятна грязи на одежде. Говоря правдиво, шёл он как заправский выпивоха, разве что песни не пел.

Любителей пагубного пристрастия сэр Ферлис презирал, но сейчас по какой-то неведомой причине поспешил навстречу странному типу, решив, что тот попал в беду.

– Сэр, вам плохо? Быть может, нужна помощь? Как вас зовут?

– Я? – незнакомец встряхнулся и с недоумением огляделся, как недавно и сам сэр Ферлис. – Я сэр Арчибальд Коин. А вы кто такой? И где мы, чёрт возьми, находимся?!

Сэр Ферлис замер. Неожиданная встреча смешала все карты, и он растерялся. Однако же представиться обязывал этикет, независимо от чувств, его обуревавших.

– Сэр Монтгомери Ферлис. Вероятно, ваш родственник. Во всяком случае, изначально наследником сэра Линдса был признан именно я.

Сказать, что эта новость произвела впечатление – значит серьёзно преуменьшить. Сэр Коин развернулся и бросился бежать к реке. Секунду спустя за ним помчался и сэр Ферлис, рассудив, что человек с чистой совестью бегать от родственников не станет. Цветочная встрепенулась, и груды бочек, стоявших в проходе между домами, словно сами собой раскатились по мостовой.

– Да что б вас! – Сэр Коин неудачно упал в грязь, встал и, не отряхиваясь, забежал в боковой проулок. Выскочил на соседнюю улицу и затерялся в паутине тупичков и проходов. Цветочная потеряла его за первым же поворотом. Зато получила кое-что другое. В луже, где изволил валяться самозванный родственник, что-то белело.

Сэр Ферлис тоже заметил клочок бумаги... или же ему указал на него солнечный блик? Как бы то ни было, но Монтгомери подошёл и вытащил изрядно запачканные документы из грязи. Лишь хорошее качество и вошение спасло бумагу от раскисания в воде.

По удивительно счастливому стечению обстоятельств, то оказались выписки из архива о родственниках сэра Линдса – покойного дяди сэра Ферлиса. В одном экземпляре выписки никакого сэра Коина не было и в помине, в другом он уже появился.

– Подделка! – возмущение, недоверие, радость и надежда захватили Монтгомери. Окрылённый, он поспешил в Ратушу.

Стоит ли упоминать, что дело о наследстве пересмотрели и вынесли решение в пользу законного наследника? Более никаких препятствий, ни явных, ни вымышленных, к бракосочетанию сэра Монтгомери Ферлиса и Миранды Нейтон не нашлось. И оно состоялось погожим осенним утром под аплодисменты голубиных крыльев, овации листы и ликование немногочисленных приглашённых гостей, а также незримых свидетелей этого счастливого события: Цветочной улицы и ветерка.

Осыпав молодожёнов золотыми листьями на прощание, улица проводила их в медовый месяц. А после него с радостью встретила и довела до дома.

С тех пор Цветочная регулярно сопровождала чету Ферлисов на прогулку по самым красивым местам, придавала их настроению оттенок детской радости и волшебства, но, конечно, без той навязчивости, которую не сдержала при первой встрече с таинственным незнакомцем.

Сэр Ферлис так и не догадался, кто способствовал разоблачению фальшивого родственника. Возможно, у Миранды были мысли по этому поводу, но вслух их никто не высказывал, и нам остается только догадываться, как близко она была к отгадке.

На этом историю можно было бы и закончить, но самые любознательные читатели, вероятно, будут настаивать, чтобы автор привёл тут разговор, который услышала Цветочная, и который сыграл весьма важную роль в этой истории. И так как ранее для него не нашлось места, приведем его здесь – в конце. Итак, рыбацкий квартал, один из тупиков Цветочной:

– Арчи, ну, что? Всё выгорело? Когда будут денежки? – весьма известный в городе ростовщик и прохиндей разговаривал с солидным и уже знакомым нам джентльменом.

– Для тебя сэр Арчибальд Коин! – представившийся поморщился от вида затхлого и грязного места встречи. – Да, всё удалось. Другой претендент и правда дрожит перед решением закона и безразличен ко всему, кроме своей работы. Он какой-то там изобретатель.

Далее последовали малоинтересные нам подробности получения и передачи денег, спор о поддельных документах и немного ругани. Весьма недовольные друг другом, но в надежде на обоюдную выгоду, собеседники разошлись. По счастью, оба мошенника жили на Цветочной, так что и эта информация была быстро ей разведана.

***

Любая улица знает, каждая дверь – это портал. Портал в чужую жизнь, судьбу, историю. Дверь может стать входом в бездну одиночества, печали и боли или же возможностью прикоснуться к любви, нежности и теплу. За каждым порогом живут свои чувства, мысли, совершаются поступки ради высоких целей, проявляются и исчезают низменные порывы.

Дверь в эту тайну мы с вами приоткрыли, но вот пришла пора её закрывать. И пусть не всё оказывается таким, как представлялось, веселье бывает не совсем к месту, а случайности имеют закономерности, но искренние чувства и высокие помыслы всегда найдут поддержку – пусть иногда и незримую.

Крадник

Счастье каждой улицы – в счастье людей, живущих на ней. Улыбаются, радуются люди – и улице становится чуть теплее, чуть светлее. Хмурятся, злятся живущие – и тень печали ложится на мостовую. И пусть один человек не вносит большого вклада, но общее настроение кварталов, сторон, слобод заполняет проспекты, площади и закоулки города. Как река в берегах плескалась, текла, стремилась к морю, так и чувства Цветочной искрились, сверкали и несли в город беспечность, радость и умиротворение.

Весной улица наполнилась ожиданием чуда, надеждой на лучшее и бесконечной лёгкостью. Ощущала себя пёрышком, что может взлететь в бескрайнее голубое небо от любого дуновения ветерка. Лето приходило с радостью, ликованием и блаженством, словно одиночные трели в одночасье сливались в многоголосый птичий хор, славящий солнце и саму жизнь. Осень началась с весёлой суеты сбора урожая, сменялась заслуженной спокойной усталостью и обещанием, что все отдохнут, когда белое одеяло укроет леса, поля и город. А зимой приходило время спокойствия, уюта и тихого счастья, которое, как снег, сияло под лунным светом, прогоняя тьму из мира и душ.

Эта зима была промозглой, холодной и особенно ветреной. Мороз забирался за воротники, оседал наледь от дыхания на шарфах, расстилался под ногами сплошным гололёдом. Стылая зима, нехорошая. Всё в этот раз было не так: не согревало дома тепло, не радовались ничему люди, даже коты – воплощение уюта – выглядели особенно ободранными и угрюмыми. Тут и там вспыхивали ссоры и склоки, ругались соседи, родственники и просто случайные прохожие. Не бегала, смеясь, детвора. Все сидели по домам. А если уж приходилось выйти, то старались побыстрее закончить дела и спрятаться обратно, забиться в свой угол, отгородиться от мира и сидеть в одиночестве, глядя, как гаснет огонь в камине.

Стояла уже середина зимы, когда Цветочная, наконец, поняла, в чём дело.

– Ах ты ж, несчастье! – в ремесленном квартале мужчина поднимался с земли, отряхивал от снега пальто и на чем свет стоит костерил кота, послужившего причиной падения. Такие сценки были не редкостью на зимней улице. Но слово, брошенное в сердцах, вдруг прогремело набатом, предвестником дурного, указало на то, что давно уж пора было заметить – на Цветочной улице пропало счастье.

Счастье пропало, и холод пробрался в сердца жителей. Кое-где по-прежнему мерцали тёплые огоньки привязанностей, искры уюта и светлячки радостных встреч, но многие дома захватила стужа. Больше всего тепла осталось в бедном районе заречья и в богатых кварталах высокого города, а меньше всего в рыбацкой стороне. Там царил душевный холод, что пробирает до костей сильнее трескучих морозов, сковывает добрые намерения и отнимает саму человечность. И все, кого ещё не настигла беда, чувствовали растерянность и страх.

Беспокоилась Цветочная, каждым бульжником предчувствуя перемены, прислушивалась у дверей и порогов, есть ли ещё тепло в домах или сгинуло, как камень в реке. Она любила своих людей, жила ими, заботилась и получала заботу в ответ. И сейчас в это холодное время приходила греться туда, где ещё сияла яркая любовь к жизни: к домику на краю леса, к особняку лорда Говера и к городской ратуше. Но и туда постепенно поникало волнение.

Тревожилась ведьма в своём маленьком домике, призывала птиц, да и отпускала обратно в небо без новостей. Ощущал беспокойство лорд Говер, сидел перед камином и нервно постукивал ногой, читая газеты. С отчаянием смотрел на груды заявлений молодой констебль Дарем: городская стража сбилась с ног, разбирая преступные случаи, сыплющиеся как горох из прохудившегося мешка. И мерк свет над городом.

***

Этим утром лорд Фредерик Говер встал рано – часы ещё не пробили семь. Жена спала. Хмурилась чему-то, но, к счастью, не кричала больше. С каждым днём снотворные порошки помогали всё хуже, а сны становились страшнее. Пришла пора попробовать иные методы. И хотя семейный врач отговаривал лорда от использования колдовских зелий, он всё же решил сходить к ведьме.

Сабрина Дюпон жила на самой окраине, почти в лесу. Карету пришлось оставить в бедном квартале, где закончилась не только дорога, но даже воспоминания о ней, и идти не меньше мили. Перед лесом и без того узкая тропинка превратилась в едва проходимую, и последний участок пути наградила Фредерика промокшими сапогами и снегом за воротником пальто. Так что в дверь старой, но крепкой избушки стучал не холёный аристократ, а скорее фольклорный морозник – коварное лесное существо, охочее до людской горячей крови.

Дверь открылась бесшумно, но за порогом никого не оказалось. Только цветастый половик и лавка сбоку от двери.

– Проходите, – приятный женский голос раздался откуда-то из глубины домика. – Только снег отряхните с одежды. Щетка на лавке.

Лорд Говер послушно переступил порог, взял в руки щётку, недоумённо покрутил её и провёл пару раз по плечу. Часть снега с пальто упала на пол, часть как будто ещё глубже забилась в ткань. Решив, что результат в целом удовлетворительный и можно больше не тратить на это время, Фредерик разделся и прошёл в комнату.

Ведьма сидела за столом и глядявалась в расклад. Четыре ряда по десять карт. Кое-где в рядах виднелись пустые места.

– Присаживайтесь, я скоро закончу, – мадам Дюпон показала на стул напротив, даже не взглянув на гостя.

Лорд Говер не стал спорить. Благоразумно решил, что возмущаться недостаточно обходительным обращением можно и в другой ситуации, а не в присутствии ведьмы, к которой пришёл с просьбой. Зато с интересом осмотрелся: комната была небольшой, чистой, уютной и очень тёплой. Вопреки ожиданиям, нигде не висели пучки трав, сушёные части животных или амулеты. Не стоял котелок для отваров и ядов. Даже магической литературы не наблюдалось, лишь на краю стола лежала вчерашняя газета. И хотя бревенчатые стены, деревянные стол, стулья и шкаф выглядели весьма основательно, они совсем не походили на пристанище магии и волшебства. А кружевные салфеточки тут и там и белёная скатерть несли печать обыденности.

Сама Сабрина Дюпон тоже мало походила на ведьму: просто женщина почтенного возраста с морщинками вокруг глаз. Седины в волосах пшеничного цвета, убранных в тугую косу, не было. Платье выглядело самым обычным – такие носили горничные и экономки. Никаких живописных лохмотьев.

Фредерик даже немного разочаровался – а смогут ли ему здесь помочь? Но тут ведьма, наконец, закончила с картами и посмотрела на гостя. Глаза у неё были поистине колдовские: карие с золотыми звездочками, словно плывущими в водовороте, – стоило всмотреться, как голова шла кругом.

– Кхм, я... – Фредерик ещё никогда не представлялся сам, хотя и знал, как это делать. Но знание не заменяет опыт, и мужчина замялся.

– Лорд Фредерик Говер, вестимо, – перебила его ведьма, вызвав изумление. Впрочем, признаться честно, изумление проросло на благодатной почве из надежды и веры в чудо.

– Но как вы узнали? – Фредерик понизил голос до шёпота. – Магия?

Ведьма фыркнула:

– А кем вы ещё можете быть? Высокий, темноволосый. Осанка и выражение лица – явно аристократ... – Сабрина рассматривала гостя так же внимательно, как и он её пару минут назад. – Вы любите лошадей, политику, загадки и свою молодую жену, – видя, как загорелись

азартом глаза собеседника, ведьма добавила: – А ещё ваше фото напечатано во вчерашней газете в разделе светской хроники.

Фредерик засмеялся. Стоило догадаться о том, как его узнали, видел же газету на столе. Сабрина Дюпон улыбнулась в ответ.

– Так что высокому лорду понадобилось в моём скромном жилище?

– Моя жена... плохо спит в последнее время. Кошмары, – руки помимо воли сцепились в замок. – Снотворное не помогает...

– Я поняла, – ведьма встала и подошла к шкафу, за дверцами которого скрывались пачки бумажек с неизвестными символами. Взяв одну, ведьма повертела её в руках, подошла к лорду Говеру и попросила подуть на листок.

Решив, что терять нечего, и в целом такое простое действие ни к чему его не обязывает, Фредерик аккуратно дунул. Листок рассыпался в прах.

– А... Это... И что теперь? – побороть изумление оказалось не так-то легко.

– А теперь ждём, – Сабрина Дюпон собрала со стола карты, перемешала их и разложила заново.

– Вы так заглянете в будущее? – лорд знал, что многие гадалки в салонах именно так и делают, хотя, признаться, ожидал от ведьмы иного подхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.